

Тори Вербицкая
Вглядись в небеса
Свет чужого окна

Спешащим творить добро и верить в чудо

Тори Вербицкая

**Вглядись в небеса. Свет
чужого окна. Спешащим
творить добро и верить в чудо**

«Издательские решения»

Вербицкая Т.

Вглядись в небеса. Свет чужого окна. Спешащим творить добро и верить в чудо / Т. Вербицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835688-9

Свет чужого окна Однажды от нечего делать взрослая и весьма занятая особа решила выглянуть в окошко и вдруг в окне напротив... ничего не увидела!!! И никого. Только свет, никогда не выключающийся. К чему приведет нашу героиню и ее друзей простая любознательность? Может, это чужое окно станет родным? Вглядись в небеса Откуда берутся дети? И каким он будет и будет ли вообще — ТВОЙ малыш? Спросите об этом повзрослевшую дочь или сына. И они все расскажут вам — если найдут нужным.

ISBN 978-5-44-835688-9

© Вербицкая Т.
© Издательские решения

Содержание

Вглядись в небеса	6
Свет чужого окна	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вглядись в небеса. Свет чужого окна Спешащим творить добро и верить в чудо Тори Вербицкая

© Тори Вербицкая, 2016

ISBN 978-5-4483-5688-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор Виктория Амзаева (псевдоним – Тори Вербицкая) родилась, живет и работает в городе – герое Севастополь. 25 лет любимой работы детским стоматологом, общение с интересными пациентами и любимой дочерью Эмине, переписка с подругой детства, увидиться с которой есть возможность только раз в году, привели к тому, что в свободное время доктор стала пробовать себя в прозе. Получилось ли, судить читателям. Автор же будет очень благодарна за отзывы и надеется, что ее первая книга не будет последней

Вглядись в небеса

Это было интересное зрелище. Вроде бы ни полок, ни кроваток и даже никаких матрасиков видно не было, но все они располагались ровнехонько, как по линии. Разноцветные, меняющие постоянно конфигурацию, они не шевелились, но дышали, и, если присмотреться, мерцали на фоне космической пустоты. В яслях был «тихий час»; для кого-то он мог продолжаться годами, а то и столетиями. Пустота была тоже весьма относительна: Облака-смотрители постоянно присутствовали на Перекрестках Времени, сменяясь по графику, важно уплывая вдаль по окончании смены. Транспортные Облака летали без всякого расписания, иногда заполняясь под завязку, а то увозили «разноцветных» по одному, по двое, совсем редко – троих или даже четверых.

Замерцал желтенький, похожий на хризантемку, комочек, начал вращаться, пульсировать и сразу же, пятеро или шестеро таких же: двое зеленых, оранжевый серый и сиреневый заворочались рядом с ним. Облако-Няня зависло над проснувшимися островками, осветило на них лучом света – все ли в порядке, и, убедившись, что ничего срочного и экстраординарного не происходит, продолжило барражировать над «спящими».

«Понимаешь, я лучше подожду! Я же знаю, что они в конце концов встретятся» – желтенькая так разнервничалась, что стала бить т, оком своих соседей. «Да ты уже восемь лет ждешь!» – откатился от нее серенький комочек.

«Мы 128-й год ждем» – хором проинформировали Зеленые.

«Вы не ждете, вы все время спорите между собой. Пока не договоритесь, у вас ничего не получится, хоть еще тысячу лет прождите!!!» – Сиреневый бодро прыгнул из ряда в ряд и пристроился к Желтенькой.

«Ну их, спорят вторую сотню кто из них будет старшим!»

«Я точно буду младшей, у них уже есть...» – резкий сигнал с Дежурной Звезды прервал доверительный разговор и малыши с интересом обернулись к Смотрителям: Облака мягко выбирали из рядов тех, кто приобрел четкий розовый или голубой цвета и клали их на ленту-транспортёр.

«Счастливые или несчастные? Какими они будут там?» – Сиреневый хоть и философствовал по большей части, но уже один бочок его приобрел стойкий синий оттенок.

«Сейчас не это важно, важно, что все свершится, и, уж конечно, своим появлением они принесут счастье! А дальше, кому что на роду написано...» – Желтенькая помолчала. «Давай попросимся к Большой Медведице?! Слетаем к ней, она мудрая и опытная мать. Мне все-таки нужен чей-нибудь совет, но только не чванливые указания Распорядителей с Дежурных Звезд. Как здорово, что выбор за нами!» – Желтенькая мечтательно заулыбалась и стала похожа на смайлик.

Полярная Звезда приняла друзей через два года – очереди, расстояния, опять же для такой беседы нужно было отрегулировать яркость и излучение смягчить хотя бы на час, эти маленькие создания, так настырно просившиеся к Большой Медведице на беседу ни в коем случае не должны были пострадать. Там уж, конечно, как Бог даст, но отсюда уйти они должны идеально здоровыми.

На Земле властвовал день; на той ее стороне, где молодая женщина жила в ожидании чуда и пристально вглядывалась в небо и прислушивалась к себе. Только ради того, чтоб не заронить в Человека напрасной надежды, Полярная Звезда и назначила эту встречу на время, когда той не было видно Созвездий. Вдруг еще передумает?

Все звезды, входящие в состав Большой Медведицы слетелись поближе к Полярной и ждали гостей: они очень волновались – маленькая, неокрепшая душа летела к ним за советом, а за ней еще и друг ее увязался.

«Подумать только – их еще вроде как и нет, а они уже сдружились, планы строят, секретничают!» – возмутилась самая крайняя звезда ручки Ковша.

«Это там их еще нет, а здесь они вечно! Как же им не мечтать, если позволено сделать такой выбор!» – Полярная Звезда прикрутила яркость до минимальной – Облако-Транспорт приближалось с завидной скоростью и уже начало плавно тормозить.

«Ну здравствуй, Солнышко!» – улыбнулась Большая Медведица Желтенькой.» Умница, что дождалась и друга с собой привезла. Пользы ему от прогулки, конечно, никакой, но перед отлетом проветрится», – подмигнула Полярной Звездой Медведица.

«Как же так, Вы уже наверняка знаете, что ему пора?» – Желтенькая обернулась. Друг, закутавшись в край облака, тихо посапывал, он был почти весь уже ярко голубой, чистый, светящийся ровным, счастливым светом.

«Понятно; пока мы летели, он все для себя решил!» – Облако под Желтенькой стало влажным и Крайняя Звезда Ковша стремительно достала кружевной платок и бросила его Облаку.

«Дождя не обещали!» – она была доброй, но очень резкой и нетерпеливой звездой.

«Я не буду плакать, мне еще нечем. Пусть он поспит» – она она нежно взглянула лучиком света в сторону спящего друга.

«Пожалуйста, скажите мне, я долго-долго готова ждать, но я же вижу отсюда, как она мучается, мыкается по больницам, живет то надеждой, то страхом, а я так ее уже люблю! И она меня любит, я знаю! И ждет, очень ждет!!! И его я люблю! Но они так далеко друг от друга! Милая, Мудрая Медведица, скажи мне, пожалуйста, они встретятся? И если встретятся, принесу ли я им радость?» – Желтенькая от нетерпения вытянулась в длинненькую змейку и замерла в форме знака вопроса.

Звезды заулыбались, так оно было мило, это небесное создание! «Они уже в одном городе; все те два года, что ты ждала этого путешествия, они жили в одном городе и судьба занесла их на одну работу. Очень, очень скоро они познакомятся и уже никогда не захотят расстаться! А ты, малышка, будешь самым главным счастьем их жизни; любовью, гордостью и утешением.»

«А он?» – Желтенькая потянулась в сторону голубого шарика. – Он же уйдет раньше? Мы больше не увидим друг друга?»

«Смотри, он уже уходит и, поверь, сейчас ты нужна ему меньше всего на свете». На месте голубого шара вспыхнул яркий всполох и устремился в сторону Земли. Через миг его уже не было видно.

«Он даже не помнит сейчас о тебе, у него очень трудное время, уж больно тяжела работа, на которую он решился.» Полярная Звезда погладила Желтенькую и шепотом добавила: «Но вы встретитесь, вы же уже выбрали друг друга здесь и ничто не изменит вашего выбора...»

Маленький желто-розовый комочек спал под бдительным взглядом Облака-Няни, существо находилось на особом контроле, оставалось четыре часа до прямого рейса; шарик розовел и шумно вздыхал – сон был тревожный и счастливый. Пора! Облако-Няня нежно шлепнуло розовое тельце и подтолкнуло в нужном направлении...

Знакомый врач в последний раз повернул датчик прибора и сосредоточенно уставился в монитор. Секунд пятнадцать он жевал нижнюю губу; потом лицо его разгладилось и на нем появилась смущенная и восторженная улыбка: «Поздравляю, ты беременна!» – он передал женщине салфетку. Вставай аккуратноенько, пойдем отца радовать!» Женщина рывком села на кушетку и вдруг, губы ее повело и она зарыдала, закрыв лицо ладонями.

«Ты что это, что?» – врач растерялся и испугался. – «Ты это от горя или с радости?»

«От-т-т р-рад-д-дости» – захлебываясь слезами закивала она. Врач уже жал в коридоре руку и похлопывал по спине будущего папашу. Мужчина поверх врача смотрел на жену и по его лицу блуждала счастливая и немного недоуменная улыбка.

Роды были стремительными, хотя до этого женщина промучилась 17 часов, не находя себе места от боли и безысходности. Муж, любимый, сильный мужчина ходил кругами вокруг роддома и заглядывал в окна и только раз она сумела мельком увидеть его сквозь закрашенное стекло окна – краску сцарапнули чем-то и, приложив глаз, можно было попытаться что-то увидеть там, на воле.

Акушерка быстро отвела ее прочь от стекла и отругала: «Не девочка уже, иди ложись, а то родишь в коридоре!»

Она заорала сразу, эта девчонка, больше похожая на Маугли – волосатая, розовая, худая. И кончились все беды, не было больше страха и боли, одна только нежность... Они так ее ждали, эту маленькую обезьянку. Нужно скорей сообщить мужу, для нее уже все позади, а он еще томится неизвестностью. Ей дали написать записку.

«А знаешь, я ведь твердо решила дожидаться вас с папой», – стройная молодая девушка любовно смотрела на свою мать. Они сидели за столиком в кафе, пили чай и мурлыкали на всякие житейские темы. Девчонка своим высоким длинным хвостом и уверенным взглядом напоминала норовистую молодую лошадку.

«Где ты нас собираешься дожидаться?» – не поняла Женщина и стала озираться по сторонам.

«Я там ждала долго-долго, когда же вы наконец встретитесь и поженитесь. Я решила, что рожусь только у вас, я за вами следила, оттуда» – девушка хитренько прищурилась и подняла лицо к потолку.

Где-то там, гораздо выше, ей подмигнула Полярная Звезда.

Свет чужого окна

И надо же было ей проснуться посреди ночи. Так поздно легла, крутилась с боку на бок, как бабка-подружка бессонницы. И только заснула легко, незаметно, крепко – как кто-то как-будто сказал в ухо: «Дождь». Гафа подхватила и босая, стараясь не топтать, ринулась на балкон – спасать белье. Виданое ли дело – весь день она перестирывала зимние вещи, машинка была старая, много не тянула, вот и приходилось делить на небольшие партии свои и мужнины свитера, теплые брюки, шарфы, ласины и пайты с шапками. Настирано было – тьма. Вещи висели плотными рядами и под, и за балконом и представить, что все это богатство вымокнет под обещанным дождем и весь завтрашний, ой, то есть уже сегодняшний день придется заново с ним возиться – о нет, увольте! И так отпуск псу под хвост, домашних дел оказалось столько, что проще было внушить самой себе, что с возрастом стала неподъемна, ленива. Да и муж остался без отпуска, а куда ж ехать то одной?

Стремглав распахнув занавески и тюль, Гафа стукнула балконной дверью, замерла в испуге, прислушалась: спит. Пара минут и абсолютно просохшее белье кучей легло в огромную корзину, прищепки горой полетели сверху – пора в постель. Женщина зевнула, потянулась и выглянула за балкон: россыпь близких и ярких, как в горах, звезд мерцала на черном бесконечном небе, но луны не было. Темно. Но вот окно в доме через двор на том же, что и их, этаже ярко светилось против всех правил. Да еще и шторы отдернуты – сон как рукой сняло. Гафа сбегала на кухню, отсыпала на блюдце мороженой малины – аромат в ночи был одуряющим – и устроилась поудобней, облокотившись на перила. Ягоды за щекой таяли медленно и как будто замораживали её саму – не хотелось шевелиться, думать; сонным взглядом Гафа глазела в чужое окно – никого не дождалась, и, уже доедая последнюю ягоду, опомнилась, высунула ладошку – дождя не было.

Утро выдалось яркое и чистое; а главное – это было утро выходного дня. Выспавшись до боли в боках и чуть не поссорившись с подушкой, Гафа разбудила мужа и двинула на кухню – день без кофе не наступал.

«Знаешь, Федь, я решила. Я в следующей жизни буду синоптиком» – перекрикивая кофемолку сообщила Гафа.

«С чего это, ты же вроде в актрисы хотела податься?» – мужчина доставал с дальней полки воскресный сервиз на две персоны: и блюдца и чашки имели форму сердечек и размер чуть больше наперстка.

«Нет, артисткой я передумала – вечно враки про них в газетах и за хлебом без макияжа не выйди – за каждым кустом папарацци. А синоптиком благодать: настроение прекрасное – все, обещаешь потепление; на ногу в метро наступили – всем снег с дождем; сын двойку схлопотал – вообще ураганный ветер. И к психологу ходить не надо – медитируй себе на здоровье над картами – циклон-антициклон. Никакой ответственности» – Гафа разлила кофе по наперсткам и водрузила на стол вазочку с творожным печеньем.

«С понедельника худею», – возвестила в район потолка и прибавила к сервировки тарелку с сыром и колбасой.

«А что это тебя так проняло, приснилось что?» – колбаса вслед за сыром разлеглась на ароматные белые горбушке.

«Так синоптики эти ливень обещали. Я ж пол ночи, вместо что б спать, с бельем на балконе гарцевала, спасала его, а хот бы капля...» – женщина приблизила мизинец к большому пальцу и потрясла ладонью у себя под носом.

«Да ладно! Ты что, ночью вставала? Я не слышал ничего – ни как ходила, ни как балкон открывала».

«Смотри, соня, украдут жену, а ты и не заметишь. Проспишь!» – озорно расхохоталась Гафа и, замолчав вдруг, мечтательно засмотрелась вдаль.

Как ее только не дразнили в детстве: и Фифа и Фафа и Агаша-Ягаша, но Федьке ее имя понравилось сразу. Даже не то чтобы понравилось, а на душу легло: Агафья. Хотя жили они и в разных городах, но часто встречались на сборах и соревнованиях: Агаша была талантливой синхронисткой, Федор же прыгал в воду с трамплина, там же в бассейне и познакомились. Эта худая, конопатая девчонка со странным именем и зелеными кошачьими глазами полонила его с первой встречи и так и не отпускала до сих пор. Мать его двоих, уже выросших детей, слегка округлившаяся и повзрослевшая, она была дорога для него, как в первый день их встречи. И так же загадочна.

«Говорят же, женщины с другой планеты и нам их не понять. Только загадка загадке рознь. Вон у Тошки жена дочку ему оставила, а денежки себе прихватила и ищи ветра в поле, один теперь дружок кукует и за отца и за мамку. А Дениска со своей – развестись через неделю после свадьбы сына, оказалось, что терпели друг друга только из приличия, ждали, когда ребенок вырастит» – Федор сокрушенно покачал головой. – «Откуда эти мысли взялись?» Он заозирался: Агафья с кем-то болтала по телефону, стоя на балконе. Взгляд ее тонул в окне дома напротив.

«И что она там высмотрела?» – мысль скользнула поодаль и исчезла, до поры до времени притаившись в подсознании.

Дни шли своим чередом. Будни закурили и заставили с головой окунуться в каждодневную суету. И на какое-то время Гафа забыла про окно напротив, уставала, стала рано засыпать. Но вот однажды оно ей приснилось: будто светятся в ночи только два эти окна: их с Федором и то, напротив и соединяет их лунная дорожка. И там, в окне, за тонким узорчатым тюлем, движутся фигуры в странно замедленном и каком-то очень знакомом танце.

Проснувшись утром, Агаша босая побежала на балкон, тюль и штора так и были отдернуты и – никого; чисто вымытое стекло в деревянной раме. Портрет пустоты.

«Значит все-таки сон», – женщина разочарованно побрела обратно в комнату... Теперь это уже стало своеобразной игрой – наблюдать за светящимся окном в доме напротив: Агафья пряталась, света не включала и смотрела, смотрела. Ей было и неловко и интересно: вроде как в замочную скважину подглядываешь, но фантазии в ее рыжей голове обгоняли одна другую. А в окне напротив, как в театре на сцене зажигали свет и будто приглашали на понятный только режиссеру спектакль. Федор застал ее однажды и отругал, стыдно, мол, за посторонней жизнью наблюдать, нельзя лезть в чужие окна даже взглядом. А сам нервничал и как-то спросил: «Гафа, тебе не кажется, что ты ведешь себя странно? Будь добра, объяснись, кого ты там насмотрела?» – губы у мужа сложились в горестную складку, а пальцы рук от волнения подрагивали. Гафа поймала его эмоции, больше всего похожие сейчас на мотылька, увидевшего источник света, но понимающего, что как раз там он и опалит свои крылья, обожжется больно и безнадежно – не сможет уже взлететь и умрет.

«Что ты, Феденька, я за все это время ни разу там никого не видела», – меньше всего Агаша хотела ссоры с мужем. И так у Федькиных лучших дружков, со школьных времен еще вместе – часто ли такое видано, жизнь полетела под откос и муж как-то после этого изменился, как будто притаился и ждал чего-то. Нехорошего.

«Я увидела там люстру. Она какая-то необычная, Федь, ну знаешь, как будто реквизит в кинопавильоне. Странно, ка это я раньше ее не разглядела?» – Агаша подсунула кулак под щеку.

«Нет там никакой люстры, свет только очень яркий, спит», – муж пошел на диалог и, само по себе, это уже было хорошо.

«А давай сегодня ночью вместе посмотрим», – невинный женский взгляд уставился в самое нутро.

«Лиса, вот ты кто! Не буду я туда смотреть, зорно это, книжки лучше читай или спи – по ночам спать надо» – голос у Федьки вновь дрогнул и мужчина, укоризненно покачав головой, ушел с балкона.

Дверной звонок прозвучал, на редкость, мелодично – страсти в семье накалились настолько, что решено было явиться к соседям напротив незваными гостями, объясниться и попросить задержать шторы.

«И хоть краем глаза взглянуть на диковинную люстру. Если удастся» – Агафья нервничала и дергалась, но Федор крепко держал ее за руку, как нашкодившего кота за холку. Мелодия звонка напоминала старинную, оставшуюся от бабушки, музыкальную шкатулку и успокаивала.

Дверь долго не открывали, за ней шло какое-то совещание, больше по интонациям похожее на выяснение отношений. Далее последовала тишина с характерным шуршанием ткани о дверное полотно – их рассматривали в дверной глазок. Федор оттащил Агафью на шаг назад – организовал перспективу для обзора. Щелкнул замок, другой, отворилась щеколда и загремела, натянувшись, дверная цепочка. Две пары глаз уставились на них, причем одна из них рассматривала супругов в золоченый лорнет.

«Вам кого, милостивые государи, угодно?» – хорошо поставленный и очень уверенный в себе голос принадлежал той, с лорнетом.

Агаша заметалась в поиске милостивых государей, но, поняв, что обратились к ним с Федей, просительно заулыбалась:

«Просим прощения, мы без приглашения и вообще не знакомы...»

«Мы Ваши соседи из дома напротив», – взял инициативу в свои руки Федор. – «Наши окна выходят на Ваши», – и он для убедительности выписал в воздухе какие-то пассы рукой. Из-за двери за рукой внимательно и молча проследили.

«Мы позволили себе нанести Вам визит ввиду возникших обстоятельств и в связи...» – что и с чем было «в связи» Федор не договорил, запутался. Дверь закрылась буквально на десять-пятнадцать секунд, видимо на военный совет, и, приоткрывшись на дюйм, старческим звонким голосом возвестила:

«Мы не готовы принять Вас сейчас. Ждем к вечернему чаю, к семнадцати ноль-ноль» – и захлопнулась.

«Файв-о-клок!» – проблеяла Гафа, не вполне еще осознавая все последствия своего интереса.

«Что и следовало ожидать» – прокомментировал Федька, подхватывая свою ошалевшую супругу подмышки.

«Щекотно!!!» – заверещала Агафья и осеклась. «Милостивые государи, ну и, конечно же, государыни не орут на лестничных клетках, как прищемленные мышцы. Муж с женой переглянулись, церемонно взяли друг друга под руку и выверенными шагами, почти как в менюэте, покинули парадное. В свой подъезд забегали, хохоча и держась за животы: «Что это было?» – Агафья недоумевала искренне. «Куда мы попали?» – слезы от хохота текли из глаз ручьями.

«Серьезней, леди! Вы же слышали – «Пятичасовой чай! Пожалуй, нас позвали в Лондон!» – Федор чувствовал себя, как новорожденный; от облегчения даже слегка звенело в ушах – больше всего он боялся увидеть в дверях молодого, стройного плейбоя.

В семнадцать ноль-ноль при полном параде, Федор даже в галстук, с коробкой зефира в шоколаде (решили, что «Грильяж» может оказаться не по зубам) и охапкой разноцветных тюльпанов – по случаю знакомства – визитеры преданно взирали прямо в дверной глазок. Позвонить не успели – из-за двери раздался бой старинных напольных часов и она распахнулась: «Милости просим!»

В ярко освещенном, но узеньком коридоре, им предложили тапочки: Гафе с милым помпоном, на каблучке, гобеленовые, вышитые золоченой нитью – мечта всей жизни! Федору –

основательные, кожаные с закрытым носом, сабо. Далее их провели к веселому старенькому с зеркалом, рукомойнику, висевшему над круглым ушатом с ручками, стоявшему на табурете. Умывальник, впрочем, тоже имелся, но был видимо не в чести. Полотенца на крючках с изящными завитушками пахли ландышем и были ослепительно белоснежны. Строго проследив за мытьем рук, их пригласили в гостиную. За столом, круглым, покрытым скатертью с узором точь-в-точь совпадавшим с узором на Агафьиных тапках, восседали две сухонькие, элегантно одетые, с прическами и маникюром, точно успели посетить парикмахерскую, бабульки. Да нет же! Их нельзя было назвать ни бабулками, ни старушками – за столом, гордо и прямо держа спины, старшая с лорнетом, сидели две очень преклонного возраста дамы. За их спинами стоял самый настоящий камердинер, несмотря на возраст всем своим видом гарантировавший дамам безопасность и подобающее обращение.

Федор представил Агафью, представился сам, вручил дамам с легкостью поделенный надвое букет, а лакею – зефир и склонился в поцелуе над элегантно протянутыми ручками.

«Нужно взять на вооружение, – мелькнуло в голове у Агаши. – Это, наверное, очень приятно, когда тебе целует руку мужчина», – своего опыта у нее не было.

«Аполлинария Генриховна» – поклон в сторону лорнета и седых кудрей. «Елизавета Алексеевна» – поклон в сторону дамы помладше с гладко зачесанными в тяжеленный низкий узел каштановыми волосами. Глубокий бархатный баритон никак не вязался с обликом этого высоченного и абсолютно лысого сморчка.

Агафья, неожиданно для себя, подхватила юбки и присела в глубоком реверансе. Одновременно в голове метнулась мысль: «Слава Богу, Федю послушала, джинсы не натянула, а ведь хотела...». Сели за стол. Чаепитие проходило церемонно первые пять минут, пока Евграфий Петрович, вот оказывается как! – разливал кипяток из самого настоящего старого самовара. Федя заозирался, искал по углам сапог. Агафья с наслаждением понюхала чай, он пах лугом, ветром и лимоном. Пока разливали чай, Федор величественно поведал о причинах их появления в жизни и доме хозяек. Те мило заулыбались, покивали друг дружке и, видимо, не усмотрев в пришедших подвоха и угрозы, разрешили Евграфию Петровичу удалиться. Тот секунду помедлил, посверлил оловянным взглядом Федьку и возвестив, что: «Если что, он напротив» – гордо удалился за пределы квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.